

УДК 94(470.5)"1916"

1916 год в Уфе: татарский взгляд

Л.Р. Габдрафикова

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ

Казанский научный центр Российской академии наук

Казань, Российская Федерация

В статье через призму эго-документов и в контексте Первой мировой войны анализируется жизнь татарской интеллигенции г. Уфы в 1916 г. В качестве основных источников привлечены произведения Ш.Бабича, Г.Гафурова-Чыгтая, С.Кудаша и З.Башири. 1916 год был юбилейным для татарской культуры – 10 лет со дня основания татарского театра, учреждения газет, открытия медресе. Для Уфы такими знаковыми доминантами были медресе «Галия», газета «Тормыш», труппа «Нур». Особое внимание в статье уделено конфликту вокруг медресе «Галия», взаимоотношениям Ш.Бабича и С.Сунчелея, а также повседневной жизни военной поры. Автор приходит к выводу о том, что конфликты этого периода получили продолжение в революционное время. Некоторые дореволюционные эпизоды были мифологизированы благодаря мемуарам более позднего характера.

Ключевые слова: Уфимская губерния, Уфа, история татарской культуры, Первая мировая война, татарская повседневность.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. 1916 год в Уфе: татарский взгляд // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2023. Т.13, №3. С.97–117. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.97-117>

Введение. Шел третий год Первой мировой войны. 8 января 1916 г. уфимский губернатор П.Башилов подписал обязательное постановление о немедленной явке в полицию всех ратников 2-го разряда (т.е. никогда не служивших в армии мужчин), находящихся на тот момент в Уфе [6, с.198]. Военное ведомство постоянно обновляло свои списки, фронт и тыл нуждались в новых ресурсах. В январе того же года житель Уфы – Харис Латыпов, проживавший по адресу Никольская, 54, мог бы получить письмо от солдата 239-го пехотного запасного батальона Исмагила Латыпова (повидимому, родственника), но послание на татарском языке не дошло до адресата – оно не прошло военную цензуру. В письме Харис сообщал, что «солдатская жизнь стала очень плоха, так что с каждым днем становится все хуже и хуже», жаловался на плохую еду, на изнурительные занятия с призывниками (с 5 утра до 10 вечера). Харис Латыпов занимался подготовкой новобранцев и отмечал, что из-за трудных условий в гарнизоне некоторые его товарищи уходят на фронт добровольцами [6, с.211–212].

Положение в тылу тоже было непростым. Например, татарский поэт Сагит Сунчелей еще 19 июня 1915 г. писал из Уфы: «Материально немно-

го нуждаюсь, но ничего.... Зимой может быть легче будет. Если что – поступлю в редакцию» [18, с.270–271]. Зимой легче не стало, через полгода в Уфе не только сохранились сложности с продовольствием и поставкой других товаров, но и возникли проблемы с отоплением: не хватало дров. 15 января 1916 г. уфимский губернатор подписал постановление о запрете вывоза дров из города и регулировании цен на них [6, с.247]. С.Сунчелей продолжал работать в городской библиотеке.

В военных условиях все больше ужесточались меры, связанные с охраной государственного порядка и общественной безопасности. Это касалось деятельности и газет, и других периодических изданий, хотя военная цензура действовала еще с 1914 г. Так, 9 марта 1916 г. появилось новое постановление уфимского губернатора о подсудности различных действий, в том числе разглашение военных сведений на страницах местных газет и других изданий [6, с.251].

Весной 1916 г. уфимская жандармерия получила агентурные сведения о планируемом в Уфе Всероссийском мусульманском съезде под руководством депутата Государственной думы К.Б. Тевкелева¹. Но мусульмане в том году так и не собрались.

На фронте противник применил газовые атаки. Неизвестное оружие пугало даже в тылу: 2 мая 1916 г. выходит постановление уфимского губернатора о сборе сведений о наличии в губернии противогазовых масок, поясков и других предметов для личной защиты от удушливых газов [6, с.253].

Кроме того, продолжался сбор благотворительной помощи. 26 мая того же года новый муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаметсафа Баязитов, назначение которого за год до этого стало большим разочарованием для уммы [8, с.196–202], обратился к имамам Уфимской губернии, чтобы они устроили «в две пятницы июня и июля текущего года сбор добровольных пожертвований в пользу семей воинов». Аналогичный сбор еще в феврале был проведен в церквях губернии [6, с.360].

В условиях войны все актуальнее становился вопрос о привлечении женских кадров для работы в разных сферах деятельности. Летом 1916 г. в Уфе уже не первый раз открывались татарские женские учительские курсы (Дарельмугаллимат), они работали под началом Зии Камали (руководителя медресе «Галия»). Число курсисток в 1916 г. выросло до 137 человек [23, с.257–258]. Кроме того, осенью этого года впервые открылись трехгодичные учительские курсы по подготовке мугаллимов и мугаллима при Уфимском губернском земстве. В ноябре 1916 г. туда поступили 29 человек, почти все получили стипендии от уездных земств [2, с.421–422].

6 октября 1916 г. часть мугаллимов все же получила отсрочку от военного призыва: но закон применялся только к тем, кто был старше 40 лет и приступил к должности до 4 июля 1916 г. Депутат из Уфимской губер-

¹ Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.21. Оп.9. Д.4. Л.234.

нии Г.Еникеев требовал изменения данного закона, но его попытки в том году не увенчались успехом [8, с.36].

По данным городской переписи 1916 г., в Уфе тогда проживало 104 691 человек (не учитывались военные и военнопленные). Женщин было намного больше – 58 450 чел., тогда как мужчин – только 46 241 [16, с.5]. Мусульмане составляли около 20 тысяч жителей [20]. Под этими цифрами сухой статистики скрываются и известные имена татарской культуры начала XX века: Мажит Гафури, Галимджан Ибрагимов, Сагит Сунчелей, Сагит Рамиев, Закир Кадыри, Галиасгар Гафуров-Чыгтай, Шайхзада Бабич, Сайфи Кудаш, Сахипджамал Гиззатуллина-Волжская, Абруй Сайфи и др.

Некоторые из них учились или преподавали в медресе «Галия», публиковались в местной татарской газете «Тормыш», были зрителями и участниками постановок татарской труппы «Нур». Несмотря на войну и тяжелые бытовые условия, у этого круга была насыщенная духовная жизнь. По крайней мере оставшееся после них письменное наследие указывает именно на это.

1916 год был «юбилейным» для молодой татарской культуры нового формата. За десять лет до этого были заложены основы многих культурных явлений той поры – татарских газет и журналов, медресе, театра.

В данной публикации предпринята попытка представить обзор культурной жизни Уфы 1916 года глазами татарских интеллигентов. Для реконструкции «татарского взгляда» в качестве основных источников были привлечены публикации Шайхзады Бабича, автобиографическая повесть Галиасгара Гафурова-Чыгтая, а также мемуары Сайфи Кудаша и Зарифа Башири.

Уроженец д. Асяново Бирского уезда Уфимской губернии – Ш.Бабич (1895–1919) в 1916 г. окончил медресе «Галия». Публиковался в татарских газетах и журналах («Тормыш», «Шура», «Акмулла»). Кроме того, поэт активно сотрудничал с сатирическим журналом «Кармак», который издавался Махмутом Марджани (М.Галаяу) в Оренбурге. Он скрывался под разными псевдонимами (“Шөбшә”, “Казалы казасы”, “Шәрран-яра”) и делал своеобразные обзоры татарской культурной жизни Уфы. Несмотря на ироничную манеру подачи информации, диктуемой и личностью самого автора (он был известным комиком-конферансье в Уфе), и спецификой журнала, в этих текстах можно найти много любопытных сведений о жизни татар Уфы периода Первой мировой войны.

Г.Гафуров-Чыгтай (1867–1942) был уроженцем д. Новое Ибрайкино Чистопольского уезда Казанской губернии, учился в Чистопольском медресе, потом служил имамом. Однако его литературные публикации, связанные, в том числе, и с религиозной тематикой, стали причиной перемен в его профессиональной жизни. После отстранения от должности имама Г.Гафуров-Чыгтай занимался журналистикой. В 1916 г. он переезжает из Казани в Уфу для работы в редакции в газете «Тормыш». В отличие от

Ш.Бабича, его записки датируются более поздним периодом. Они составлены двадцать лет спустя – в 1930-е гг. В советское время Г.Гафуров-Чыгтай стал редактором московского журнала «Фэн һәм дин» («Наука и религия») на татарском языке. Конечно, в 1930-е гг. он смотрел на жизнь татар дореволюционной Уфы под определенным идеологическим углом, критикуя старый порядок и буржуазных персонажей прошлого.

Уроженец д. Кляшево Уфимского уезда С.Кудаш (1894–1993) был односельчанином руководителя медресе «Галия» З.Камали. В 1916 г. он учился в этом же медресе и заведовал там местной библиотекой. В советские годы С. Кудаш стал известным писателем.

З.Башири (1888–1962) родился в д. Чутеево Цивильского уезда Казанской губернии, учился в медресе «Мухаммадия» в Казани, работал учителем. Публиковался в татарских газетах Казани, Оренбурга. В мае 1916 г., незадолго до начала восстания народов Туркестана в связи с объявлением военного призыва и для льготных категорий населения, он приехал в Уфу из Центральной Азии. Жестокое подавление мусульман летом того года мало кого из единоверцев оставило равнодушным. Поэт вспоминал позднее о сочувствии интеллигенции к участникам этого восстания [7, с.266].

Здесь надо отметить, что мемуары З.Башири и С.Кудаша появились в годы «оттепели», поэтому, в отличие от записок Г.Гафурова-Чыгтая, имеют несколько иную тональность. Наряду с шаблонной критикой старого, в них нашлось место и романтизации дореволюционного татарского мира.

Татарское сообщество Уфы. Г.Гафуров-Чыгтай делил татар Уфы на несколько социальных групп, в зависимости от уровня и источника их доходов, а также круга общения: 1) помещики (Джантурины, Султановы, Тевкелевы, Мамлеевы, Терегуловы и др.); 2) крупные купцы (Хакимов, Назиров, Ягудин, Шамгулов, Каримов, Усманов и др.); 3) мелкие мурзы и торговцы (любопытно, что в эту же группу он включил и духовенство Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), шакирдов, приказчиков); 4) интеллектуалы («вак зыялылар»): мугаллимы, писатели, служащие земства, а еще сыновья и зятья старых купцов, их приказчики [10, с.154]. Конечно, это субъективное деление. Тем не менее, оценка писателя отражает в некоторой степени известную дифференциацию уфимского татарского сообщества, где были и европеизированные дворяне-мурзы, и следующие своим путем купцы-джадиды, и молодежь, увлеченная либеральными идеями. Неслучайно Г.Гафуров-Чыгтай подчеркивал близость татарской интеллигенции к земству – основному очагу таких идей. Интересно, что крупные татарские купцы Уфы (Хакимов, Назиров, Шамгулов и др.) показались ему, по сравнению с казанскими, более именитыми («атаклырак») [10, с.151]. Хотя некоторые из них ранее были приказчиками казанских купцов (например, выходец из Заказанья купец С.Назиров служил у купца С.Губайдуллина в Казани). Очевидно, Г.Гафурову-Чыгтаю приходилось больше общаться со вторым поколением та-

тарских купцов в Уфе: например, с сыном Садретдина – Бадретдином Назировым, сыном Абдуллатифа – Мухаметназипом Хакимовым и др.

Собственную картину уфимского татарского сообщества представлял и Ш. Бабич в публикациях сатирического характера. По его мнению, в Уфе татары делились на мелкие группы (возрастные, социальные и т.д.) и мало контактировали между собой, такую разобщенность он сравнивал с межплеменными взаимоотношениями. В статье «Из Уфы» поэт обращал внимание читателей на следующие социальные группы: шакирдов, приказчиков и девушек. Самыми замкнутыми, на его взгляд, были «безвольные» шакирды, которые мало бывали в городском обществе и предпочитали «жить в своем мире». Очевидно, Ш.Бабич, как выпускник «Галии», критиковал шакирдов других уфимских медресе («Усмания», «Хакимия», «Хасания»). Приказчики, по мнению поэта, наоборот, были слишком активными и являлись постоянными участниками литературно-музыкальных вечеров. Однако их он находил нагловатыми («тозсыз», «тозлы күзле»).

Наконец, женскую половину татарского общества, причем именно юного возраста, Ш.Бабич сгруппировал в зависимости от их отношения к противоположному полу. Причем в 1916 г. он анализирует женское общество сразу в нескольких сатирических заметках. Судя по всему, из-за учительских курсов в тот период в городе было много татарских девушек. Они посещали не только занятия, но и театральные представления. И именно на таких публичных собраниях можно было увидеть контраст между татарками-гимназистками и будущими мугаллима, девушками из менее привилегированных сословий, в меньшей степени подверженных европейскому (русскому) влиянию.

Так, уфимских татарок Ш.Бабич разделил на три группы, руководствуясь их манерами и внешним видом: 1) девушки в народных платьях (очевидно, с покрытой головой и говорившие по-татарски); 2) девушки, одетые по городской моде, но в калфаках, их татарская речь пестрила русскими словами; 3) татарки, не отличавшиеся ни манерами, ни видом от русских барышень. Они разговаривали на русском языке, поэтому последних поэт называл «мадмазели», «барышни», «куклы», «матрены» [5, с.320]. К таким татарским девушкам (скорее всего, из дворянских семей) Ш.Бабич относился довольно критично. «Они мастера поговорить. В них есть какая-та “тайна”, они даже свою внутреннюю пустоту выдадут за душевное богатство... Они растут под влиянием русских гимназий и школ, – писал он в 1916 г. – Наши бездельники радуются, глядя на них: “Слава Богу! Пробуждается татарская женщина...”» [5, с.336]. К слову, в этот период Ш.Бабич дружил с одной мугаллимой по имени Хава из татарской деревни Верки Рязанской губернии, тоже приехавшей на летние учительские курсы [7, с.275]. Эту девушку, скорее всего, сам поэт отнес бы к первой группе.

Ш.Бабич считал, что татарская девушка выбирала обычного шакирда по двум причинам: либо она сама имеет невзрачную внешность (поэтому не может быть парой ни мурзе/интеллигенту, ни приказчику), либо она

действительно «очень умная» и с национальным мышлением («бик милли, бик мөтәффәкирэ була»). Здесь поэт снова проводил шуточную корреляцию самосознания татарских девушек и их поведения. Если она гимназистка («мадмазель», «кукла»), то стремится понравиться «интеллигенту», «мурзе», очевидно, тоже выпускнику русского учебного заведения. Если же дочь торговца («гордо носят пальто, сшитые на отцовские деньги»), то ее интересуют приказчики в «белых воротниках» [5, с.336–337].

Аналогичная критика звучала из уст поэта и в адрес татар, учеников гимназий и училищ. Эти учащиеся-татары отличались от шакирдов, прежде всего, своим внешним видом – мундирами и картузами. Но были и другие отличия. «Если бы они не прятали свой язык (татарский – Л.Г.) в карманах, когда гуляют с подобными себе гимназистками и курсистками», – образно сетовал поэт [5, с.332].

В этих заметках Ш.Бабича очевидна критика не только социально-экономического, но и социокультурного расслоения татарского общества г. Уфы. Если учесть, что ему самому, тоже «шакирду», были близки социалистические взгляды, то становится понятна негативная коннотация при описании им буржуазных слоев татарского общества. С ухудшением экономической ситуации в стране, в связи с затянувшейся войной, эти настроения в его публикациях лишь усиливались.

В фельетоне «Уфа кызыклары» («Интересное в Уфе») Ш.Бабич критиковал городскую среду за сонную обывательщину и консерватизм («даже красные лицом юноши оказываются помазаны дегтем»), отсутствие внутреннего движения и вдохновения, за равнодушие местных татар к культурной жизни соплеменников. «В знаменитых медресе «Усмания» и «Галия» вы не увидите ни одного представителя высших слоев уфимского татарского общества», – писал поэт. Местное татарское общество, на его взгляд, имело лишь несколько позитивных моментов: «Есть одна ремесленная школа, одно дамское общество, одна маленькая библиотека, один-два человека обоих полов, заботящихся о благе других людей, одна мусульманка-врач, один-два благородных бая (богатых людей), два-три интеллектуала» [5, с.330–332]. Конечно, это был утрированный подход и образное представление действительности. Тем не менее, Ш.Бабич сумел уловить некоторые важные моменты в культурной жизни татар г. Уфы этой эпохи.

Медресе «Галия» и Зия Камали. В 1916 г. в Уфе отметили 10-летие медресе «Галия». Сначала предполагалось проведение торжественного вечера в июне, потом все перенесли на декабрь 1916 г. К этому времени данное учебное заведение под руководством богослова З.Камали окончательно вышло из-под опеки крупных татарских благотворителей Уфы. Конфликт начался на фоне шакирдских волнений накануне войны, в 1915 г. попечители «Галии» (в их числе отец и сын Назировы, С.Джантюрин и др.) прекратили финансирование медресе. Именно поэтому на страницах газеты «Тормыш» появлялись материалы, показывающие высшее мусульманское

училище не с лучшей стороны. Например, в 1914 г. прошла волна критики недостатков материальной базы медресе и культурного уровня самих шакирдов из-за роста числа туберкулезных больных [14, с.29]. При этом один из бывших шакирдов и мугаллимов медресе «Галия» Хабиб Зайни считал, что разлад между попечителями и мударрисом начался из-за нецелевой растраты денежных средств из попечительского фонда («они хотели убрать З. Камали с должности руководителя потому, что он купил себе дом на большую сумму»)². Однако других подтверждений этого заявления нет. Как известно, шакирды выступали против снятия с должности З.Камали, а некоторые в знак протеста даже оставили медресе.

Тем не менее, татарские газеты не могли проигнорировать 10-летний юбилей медресе «Галия», сумевшей завоевать за столь короткий период широкую популярность и за пределами Уфы. Во многом это связано и с самими шакирдами, среди которых было немало не просто мугаллимов, но и людей пишущих, известных благодаря своим публикациям (например, среди них и М. Гафури, и Г.Ибрагимов).

Уже в советские годы, в период «оттепели», начали появляться новые воспоминания выпускников о медресе «Галия». Некоторые из них (например, воспоминания С.Кудаша) стали частью книг и сборников мемуаров, были опубликованы в газетах и журналах. Другая часть стала основой архивной коллекции медресе «Галия» (хранится в Национальном архиве РБ)³. В какой-то степени это было следование тому самому «медийному» юбилею 1916 г.

С.Кудаш представлял медресе «Галия» в самых приятных тонах. Вообще многие выпускники вспоминали учебное заведение с большой теплотой и высоко оценивали и методы обучения, и самого руководителя З. Камали. Но не все современники событий были согласны с таким образом «Галии». Например, тот же Х.Зайни оставил критические заметки «Реальность о медресе «Галия», где писал о некоторой мифологизации роли данного медресе в советское время, о приписывании мусульманскому учебному заведению несуществующего потенциала («это не комвуз и не институт красной профессуры»). Профессиональный успех бывших шакирдов «Галии» Х.Зайни связывал с упрощенной системой поступления в вузы в 1920-е гг., а также свободной атмосферой в самом медресе, где ученики во внеурочное время занимались изучением русского языка, музицировали и упражнялись в литературном мастерстве. Все эти факторы, по его мнению, способствовали раскрытию их способностей в дальнейшем⁴.

² Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРК НБЛ КФУ). 2390, т. II. Л. 10.

³ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.Р-4767. Оп.1. Д.1, 2, 5.

⁴ ОРК НБЛ КФУ. 2390, т. II. Л.4–6.

Что касается юбилея 1916 г., то в это время сам Х.Зайни находился на фронте, его призвали в 1915 г. (как было сказано выше, мугаллимы тогда еще не освобождались от мобилизации). Также надо отметить, что в конфликте попечителей и руководителя медресе (вместе с шакирдами) фигурировало в том числе имя мугаллима Х.Зайни. По каким-то причинам (возможно, это было связано с фигурой З.Камали) ученики были недовольны им. Впрочем, попечитель С.Джантурин в 1914 г. в письме на имя Х.-Г. Габяши отмечал, что он не согласен с шакирдской критикой и Хабиб-эфенди показал себя только с лучшей стороны. Наряду с Х.Зайни шакирды были критично настроены и по отношению к другим учителям (Г.Шонаси, С.Саттарову и др.). Все это требовало отдельной проверки [12, с.121].

После отказа в финансировании «Галии», уже в августе 1915 г. З.Камали отправился на Нижегородскую ярмарку, где ему, со слов Ш.Бабича, удалось собрать солидную благотворительную помощь для своего медресе [5, с.323].

По данным литературоведа Г.Гильманова, бывшие попечители «Галии» устроили осенью 1915 г. совещание, где было принято решение о создании нового медресе. В этой встрече принимали участие Г.Шонаси, З.Кадыри (раньше он тоже был мугаллимом «Галии», но в 1914 г. перешел на работу в редакцию газеты «Тормыш»), З.Валиди, Г.Терегулов (служащий уфимского земства, в этот период как раз велись разговоры о включении мектебов и медресе во всеобщую школьную сеть). Разработку программы нового медресе на 1916/1917 учебный год поручили Г. Шонаси и З.Валиди [5, с.477]. Но в 1916 г. открытия нового аналога «Галии» не состоялось, а учебные планы апробировались в медресе «Усмания». Именно там работали Г.Шонаси и З. Валиди.

Как в фельетонах Ш.Бабича, так и в стихотворных произведениях 1916 г. есть отсылки к конфликту вокруг медресе «Галия». Например, в «Китабеннас фи хаккылхавас» поэт дал ироничную оценку многим известным персонам той поры (в их числе С.Шамгулов, С.Назирова, С.Джантурин, З.Кадыри, З.Валиди, Г.Шонаси и др.). Но в эпиграмме на своего учителя З.Камали он сравнивал его с памятником труду, желал ему многих лет жизни и процветания «Галие», а его врагам – горения в аду [5, с.272]. В стихотворении, написанном в честь юбилея медресе, основатель «Галии» представлен в образе трудолюбивой пчелы, а само учебное заведение – как прекрасный сад. Оно было прочитано 27 декабря 1916 г. на юбилейном вечере медресе.

На торжество, помимо шакирдов и мугаллимов, собрались выпускники и представители татарской интеллигенции. Например, среди гостей были М. Гафури, С.Рамиев, Г.Ибрагимов, М. Бигиев, Ш.Бабич. «Медресе было полно гостей, прибывших из дальних и ближних уголков России, – вспоминал С.Кудаш. – В первый день (26 декабря) состоялась официальная часть юбилея. З.Камали отчитался о работе “Галии” за десять лет. Стало известно, что за эти годы в медресе обучалось около 1000 человек. Из них 17 стали

писателями и журналистами» [15, с.69–70]. Но С.Кудаш не упомянул, что в тот вечер среди гостей, кроме купца С.Назирова, не было попечителей-предпринимателей. Спустя почти 50 лет после этого события не писал он и о том, что тогда остро стоял вопрос дальнейшего финансирования медресе, был объявлен сбор благотворительной помощи.

Интересное замечание по этому поводу есть в мемуарах бывшего шакирда «Галии» Ахмета Бикмурзина. В 1960-е гг. он отмечал, что на юбилейном вечере Г.Ибрагимов в своем выступлении пытался доказать способность медресе существовать и без помощи купцов. Для этого он предложил всем выпускникам и другим интеллигентам прогрессивных взглядов пожертвовать определенный процент с собственного жалования на нужды учебного заведения. По словам автора воспоминаний, не все слушатели тогда поддержали главные идеи доклада Г.Ибрагимова [9, с.114]. Но некоторую сумму все же удалось собрать (помощь поступила в том числе и от С.Назирова) [5, с.508].

В 1916 г. попечительское сообщество г. Уфы, в лице крупных татарских предпринимателей, планировало все-таки объединение двух медресе – «Галии» и «Усмании», в апреле 1917 г. провели даже одно совещание по этому вопросу [5, с.524–525], но в дальнейшем приоритетными стали совсем другие задачи.

Газета «Тормыш» и Закир Кадыри. Во время Первой мировой войны газета «Тормыш» стала популярным татарским изданием в Уфе. К тому времени редактора Вагиза Наурузова сменил Закир Кадыри (1878–1954), уроженец Ставропольского уезда Самарской губернии и выпускник каирского медресе Аль-Азхар (как и руководитель «Галии» З.Камали). Именно в редакцию газеты «Тормыш» пришел работать в 1916 г. Г.Гафуров-Чыгтай. Он уже имел опыт работы в другой татарской редакции – казанской газете «Кояш». «Работников мало. Ответственный редактор – Закир Кадыри, сотрудники – Самат Шарафетдинов, Гумар Хабиров. Все они – дети мулл. Гумар – сын известного ишана», – отмечал он [10, с.151].

Издателем газеты «Тормыш» с 1914 г. являлся стерлитамакский купец Гибадулла Усманов, до этого печатный орган был организован в форме товарищества на паях (среди крупных пайщиков – А. Хакимов, С.Назирова, Г. Усманов, К.-М. Алкин, С.Джантюрин) [4, с.27]. Г.Гафуров-Чыгтай, судя по всему, был наслышан об этом юридическом моменте, но интерпретировал по-своему: газету «уфимские богачи выпускают совместно, но руководит делами избранный ими для этого – купец Гибадулла Усманов», – писал он. При этом Г. Гафуров-Чыгтай подчеркивал, что «Тормыш» – это «совсем национальный орган». С позиции человека 1930-х гг., это указание на «буржуазно-национальный» характер издания. Между тем, после смены редактора и издателя в 1914 г. было принято решение о «внепартийной» редакционной политике и ориентированности на интересы «культурной нации» [4, с.30]. Условно нейтральная позиция бы-

ла, очевидно, гарантом существования газеты. Тем более с началом Первой мировой войны была введена и военная цензура.

Газета «Тормыш» привлекала многих татарских литераторов того времени, особенно связанных с Уфой. Ее постоянными авторами были признанные мастера литературного слова – М.Гафури, С.Сунчелей, С.Рамиев, Г.Ибрагимов. Неслучайно включили эпизоды о редакции «Тормыш» в свои воспоминания и З.Башири, и С.Кудаш.

«Не хватило терпения ждать почтальона, который утром доставлял газеты. Чуть свет я отправился к зданию редакции, где на витрине вывешивалась свежая газета. С волнением я прочитал свое стихотворение!» – вспоминал о своей публикации в газете «Тормыш» С.Кудаш. Случилось это в начале 1917 г., со слов автора мемуаров, при активной поддержке М.Гафури [15, с.87–88]. Надо отметить, что публикация состоялась после событий февраля 1917 г., а значит, после отмены всех цензурных ограничений.

Здание редакции газеты располагалось на улице Пушкинской (совр. Пушкина) [1, с.41]. Юному шакирду Сайфи приходилось ходить от медресе «Галия» 5–6 кварталов, чтобы дойти до «Тормыша» тем памятным утром. «Редакция газеты располагалась в доме одного бая, в соседстве с типографией», – писал он [15, с.87]. По замечанию Г.Гафурова-Чыгтая, это была одна из комнат старого деревянного дома («наверное, в той комнате жили бедные люди раньше»), расположенного в довольно тихом, спокойном месте. Он постоянно сравнивал две татарские редакции – «Тормыш» и «Кояш». Последняя размещалась в одном из номеров, недалеко от шумного Сенного базара. Возможно, поэтому Г.Гафуров-Чыгтаю показалось, что место редакции «Тормыша» какое-то неодоухотворенное («рухсыз») [10, с.151].

Между тем, Ш.Бабич в 1916 г. ставил эти две газеты – «Кояш» (неофициальным редактором был писатель Ф.Амирхан – Л.Г.) и «Тормыш» в один ряд. Он считал, что по содержанию они похожи. В сатирической публикации поэт отмечал, что руководят ими «сумасшедшие хальфы», которые «боятся шакирдов». Надо сказать, что в той статье, выпущенной под псевдонимом, Ш.Бабич критиковал большинство татарских периодических изданий [5, с.328].

В мемуарах и Г.Гафурова-Чыгтая, и З.Башири, и С.Кудаша в эпизодах о газете «Тормыш» прослеживается негативный тон при характеристике его редактора З.Кадыри. Это и неудивительно: он был в числе белоэмигрантов, поэтому другая оценка его персоны и деятельности в советское время вряд ли могла быть допущена к печати. Кроме того, в мемуарах С.Кудаша противопоставляются друг другу «Галия» и «Тормыш», то же самое прослеживается и в публикациях Ш.Бабича 1916 г.

Г.Гафуров-Чыгтай не касался этого конфликта. Он писал, что З.Кадыри – известная личность среди джадидов и ему поначалу был непонятен феномен его успеха в этой среде («он не знает по-русски», «не мастер слова, хоть и много говорит», «вид дервиша»). Но тут же поясняет, что

З.Кадыри отличался упорством и смелостью в достижении своих целей, развитой интуицией и практичностью. Сформировали эти черты его характера, по мнению Г. Гафурова-Чыгтая, также бедность и нужда, которые будущий редактор терпел во время своей учебы в Аль-Азхаре. Еще одним важным качеством журналиста он считал его умение быстро улавливать актуальные вопросы и правильно выбирать друзей [10, с.152].

С.Кудаш в своих мемуарах отметил, что корректором газеты тогда трудился Джамалетдин Юмаев, но не назвал даже имени редактора. Тем не менее, автор воспоминаний не мог полностью проигнорировать персону З.Кадыри: «Редактором «Турмуша» был один реакционер, человек мстительный и коварный, – писал он. – В свое время он бросил «Галию» и к нам относился враждебно. При каждом удобном случае охотно помещал в газете материалы, бросающие тень на репутацию медресе. Остальные сотрудники газеты угодливо разделяли взгляды редактора» [15, с.86]. Здесь С.Кудаш, очевидно, экстраполировал в какой-то степени на себя отношение З.Кадыри и спонсоров его газеты (бывших попечителей медресе) к З.Камали и «Галие». То же самое прослеживалось и в творчестве Ш.Бабича.

Первая публикация Ш.Бабича в газете «Тормыш» состоялась в октябре 1914 г., это было стихотворение «Мандолина». После этого у него выходили и другие стихи. Как видно из воспоминаний современников, Ш.Бабич бывал в редакции газеты «Тормыш». Однако в своих анонимных публикациях в журнале «Кармак» он часто пародийным образом полемизировал с заметками из газеты «Тормыш», попадало от него и редактору издания – З.Кадыри.

В 1916 г. Ш.Бабич хотел опубликовать в газете стихотворение «Көтәм» («Жду»). Но З.Кадыри предложил ему перед публикацией немного отредактировать произведение. В учебной литературе по истории Башкирии этот факт стал хрестоматийным, и требование редакторских правок связывается с «башкирскими мотивами» стихотворения. Татарские «редакционно-издательские объединения» края якобы еще не были готовы печатать произведения на башкирском языке [13, с.247]. Между тем стихотворение написано на татарском языке, а «башкирские мотивы» – это стилизация острой социальной критики действительности под башкирские народные песни («озын-күй»). Поэт сравнивал родную землю с кладбищем («гүрстан»), а жителей с «живыми трупами» («тере мәэтләр») [5, с.88]. Как и другие стихи Ш.Бабича той поры произведение обличает тяжелое положение страны в условиях войны, выражает усталость общества и ожидание перемен. З.Кадыри предлагал изменить некоторые моменты в этом стихотворении (ведь цензура могла не пропустить такое к печати), но молодой Ш.Бабич отказался.

В год 40-летнего юбилея Октябрьской революции проживавший в Уфе З. Башири опубликовал в газете «Совет Башкортостаны» воспоминание об этом случае. Редакционный конфликт был представлен как яркий эпизод борьбы пролетария (автора, написавшего стихотворение на баш-

кирском языке) и буржуазного националиста (редактора-татарина). «Наступит и для нашего народа свобода», – якобы сказал в ответ З.Кадыри Ш.Бабич [5, с.430]. В мемуарах З.Башири, выпущенных позднее в Казани, в том же эпизоде нет ничего о «башкирском языке», а есть лишь фигурировавшее еще в публикации 1957 г. замечание З.Кадыри о необходимости убрать «странности» из стихотворения [7, с.280–281]. Под «странностями», на наш взгляд, все же следует понимать острый социальный характер произведения, а не язык изложения.

Кстати, на этом же заседании 1916 г. присутствовали еще и другие татарские поэты. Помимо Ш.Бабича и З.Башири, были еще М.Гафури, С.Сунчелей и Нажиб Думави (был в Уфе проездом). С редакторскими правками приняли к публикации и стихотворение С.Сунчелей. Сохранившаяся фотография пяти поэтов – М.Гафури, С.Сунчелей, С.Рамиев, Н.Думави, З.Башири – тоже относится к этому периоду, так как сделана в 1916 г. по просьбе редакции газеты «Тормыш». Отсутствие на этом снимке Ш.Бабича, очевидно, лишь усилило мифологизацию остроты редакционного конфликта.

Сагит Сунчелей и Аксаковская библиотека. В воспоминаниях З.Башири есть указания на сложные взаимоотношения Ш.Бабича не только с З.Кадыри, но и С.Сунчелеем [7, с.279–283]. Любопытную зарисовку про С.Сунчелей и Ш.Бабича той поры оставил журналист Исмагил Рамиев. Он запомнил С.Сунчелей как человека высокомерного («смотрел с высоты минарета, говорил с издевкой»), невеселого, не улыбочивого. Ш.Бабич, по наблюдениям И.Рамиева, был его противоположностью: веселый, находчивый, настоящий шутник с заразительным смехом [9, с.96].

Если судить по публикациям Ш.Бабича этого периода, где он высмеивал С.Сунчелей (например, часто рифмовал его фамилию со словом «мунчала» («мочалка»), то высказывание З.Башири вполне может соответствовать действительности [5, с.270]. При этом и в одном из фельетонов, и в эпиграмме из серии «Китабеннас фи хаккылхавас» Ш.Бабич положительно оценивал переводческую деятельность С.Сунчелей, но считал, что за годы «уфимской жизни» как литератор он значительно «обмельчал» [5, с.330].

В тот период С.Сунчелей заведовал мусульманским филиалом Аксаковской (городской) публичной библиотеки. Читальня размещалась в здании недавно построенного Аксаковского народного дома (совр. Театр оперы и балета). За несколько лет (открылась только в 1914 г.) библиотека стала местом притяжения для татарской интеллигенции, так как туда выписывались различные газеты и журналы на татарском языке, в том числе из Оренбурга, Казани и др. Но, по словам Ш.Бабича, в читальне не было определенного порядка, трудно было найти даже недавно поступившие издания. Кроме того, в своей ироничной манере он отмечал, что в некоторых сатирических журналах не хватает страниц или стерты строчки, связанные с критикой уфимской жизни. Прежде всего имелись в виду публикации из журнала «Кармак» [5, с.325].

В 1916 г. Ш.Бабич опубликовал в журнале «Кармак» три пародии на стихи С.Сунчелея, напечатанные в газете «Тормыш» в том же году. Во всех этих произведениях С.Сунчелей был углублен в свой внутренний мир и будто отрицал сложную действительность (подводил своеобразный итог творческой жизни («Алты ел»), радовался наступившей весне в Уфе («Нурлы яз») и выражал надежду, что война все равно кончится когда-нибудь («Канлы сугышлар бетәр») [18, с.145, 150]. Эти стихи, очевидно, раздражали Ш.Бабича, который в тот момент хотел совсем других высказываний. Поэтому в пародиях он высмеивал и редакционную политику газеты «Тормыш» (которую называл «Котормыш»), и «беспечность» поэтических текстов С.Сунчелея, и личность самого автора.

По словам С.Кудаша, С.Сунчелей реагировал на анонимные заметки довольно нервно. В его мемуарах уточняется, что библиотекарь Сунчелей зачеркивал в «Кармаке» все пародийные упоминания о себе. «Если он обнаруживал в каком-нибудь юмористическом журнале что-нибудь направленное в его адрес, замазывал эту вещь так, что ничего нельзя было разобрать, — отмечал С.Кудаш. — Иногда он вырывал целую страницу и только после этого выставлял журнал в читальном зале. Страницу, на которой была напечатана пародия Бабича, Сунчэлэй всю исчеркал толстым черным карандашом, а сверху написал «Дурак» [15, с.68].

Неизвестно, знал ли тогда С.Сунчелей о том, что под псевдонимом «Шөбшә» скрывался его знакомый Ш.Бабич. Однако летний эпизод из мемуаров З.Башири повествует о том, что в тот памятный день в редакции газеты «Тормыш», где собрались и другие татарские поэты, С.Сунчелей не захотел фотографироваться вместе с Ш.Бабичем, посчитав его еще начинающим автором [7, с.282–283]. Тут надо отметить, что все пародии на стихи С.Сунчелея в «Кармаке» были опубликованы в первой половине 1916 г., возможно, поэт уже знал, кто автор этих строк.

Татарский театр и Уфа. В публикациях Ш.Бабича 1916 г. немало внимания отведено и заметкам о театральные постановках в Уфе. Очевидно, что они занимали важное место в культурной жизни татар того периода. Но, в отличие от этих записок, в мемуарах Г.Гафурова-Чыгтая, З.Башири и С.Кудаша, наоборот, нет никаких упоминаний о татарских спектаклях. Возможно, этим авторам просто не приходилось их посещать? Тем более в том же 1916 г. Ш.Бабич писал, что татарских постановок в Уфе можно пересчитать по пальцам одной руки и публика очень ждет их [5, с.319].

В 1916 г. в Уфе периодически появлялась татарская труппа «Нур» под руководством актрисы С.Гиззатуллиной-Волжской. Например, в июне того года Ш.Бабич сообщал о том, что прекрасное выступление труппы накануне («Уфе такая игра и не снилась») собрало, в основном, представителей простых слоев населения, тогда как высшая интеллигенция («редактора и т.п.») проигнорировала театральный показ. сетовал он и на то, что в газете «Тормыш» не было никакой заметки о выступлении труппы.

Возможно, такое игнорирование выступления труппы в местной прессе объяснялось еще одним межличностным моментом, на который указывает все та же публикация Ш.Бабича. Так, он упоминает о том, что среди артистов труппы – бывший приказчик из магазина купца Шамгулова – Казанский. «А ведь Уфа должна была встречать такого артиста, своего земляка, овацями», – критикует он местную публику [5, с.331].

Артист Гиляз Казанский (Гилязетдин Ибрагимов) (1891–1938) был уроженцем Заказанья (об этом говорил и его сценический псевдоним). С 1912 г. играл в труппе «Нур» [17, с.255]. Очевидно, он не просто так оказался в Уфе и начал работать там приказчиком. Многие из местных татарских купцов были родом из Заказанья, поэтому неудивительно, что на роли доверенных лиц (приказчиков) они брали своих земляков. Возможно, переход Г. Казанского из торговли в артистическую деятельность был воспринят бывшим работодателем (купцом С.Шамгуловым) не самым положительным образом.

Тем временем, из труппы «Нур» многих артистов призвали на фронт (в их числе – Г.Казанский, Ш.Шамильский, Н.Ханжаров), поэтому она стала преимущественно женской [19, с.153]. В 1916 г. некоторое время «нуровцы» гастролировали по другим городам. С сентября 1916 г. и уже вплоть до своего расформирования в мае 1918 г. коллектив «Нур» находился в Уфе. Выступали они в «Новом клубе» (совр. Дом офицеров). Примерно с этого времени деятельность труппы начала чаще освещаться на страницах газеты «Тормыш». Автором многих заметок был Самат (Самат Шарафетдинов – Л.Г.) [17, с.263]. 30 декабря 1916 г. прошел бенефис основательницы труппы Сахипджамал Гиззатуллиной-Волжской.

Кроме коммерческих спектаклей «нуровцев» в Уфе в это время ставились еще любительские спектакли на татарском языке, организованные самодеятельными артистами для благотворительных сборов в пользу воинов и членов их семей. Такие постановки тоже собирали полный зал, но не всегда спектакли отличались высокой художественностью. Этот момент не ускользнул от внимательного взора Ш.Бабича [5, с.340]. Ему больше нравились спектакли труппы «Нур».

Как уже отмечалось выше, 1916 год был юбилейным и для татарского театра. Первый публичный татарский спектакль в Уфе сыграли весной 1906 г. Вот что об этом сообщали в газете «Уфимские губернские ведомости» 9 марта 1906 г.: «Первый спектакль на татарском языке, данный в пятницу на сцене общества «Вспомоществования частному служебному труду» (ул. М. Карима, здание не сохранилось – Л.Г.), привлек много публики и прошел очень оживленно. Пьеса называется «Житье с тремя женами» (пьеса Г. Исхаки – Л.Г.) [21]. Судя по всему, осенью 1916 г. уфимские артисты-любители устроили чествование по этому поводу. В их числе был и земский служащий – Гумер Терегулов, которому в тот вечер подарили серебряный портсигар с выгравированной надписью «основателю татарского театра». Кроме того, наградили чайными сервизами Зухру и Фатиму Ахметовых,

Рукию Терегулову. По мнению Ш.Бабича, это мероприятие тоже имело свои изъяны, т.к. выглядело слишком субъективным и честование охватило не всех первопроходцев татарского театра в Уфе. «Почему забыли, например, Ахтямова? Почему он не участвует, почему его не наградили? – вопрошал Ш. Бабич и сам же отвечал на этот вопрос. – Потому что он мугаллим, он не врет. Он не мурза, в нем нет позерства» [5, с.338–339].

Возможно, поэт имел в виду Х.Ахтямова, выпускника медресе «Усмания», который еще в шакирдские годы участвовал в театральных постановках. В 1923 г. Х.Ахтямов опубликовал статью «Бездә беренче театр» («Первый театр у нас») в уфимском журнале «Яна юл», где рассказал о комедии «Рисалят», представленной шакирдами в медресе «Усмания» в 1901 г. [13, с.299]. Г. Терегулов к тому времени был в числе белоэмигрантов, поэтому никто уже не оспаривал это первенство.

Повседневная жизнь. Тыловая повседневность 1916 г., в том числе в Уфе, прежде всего характеризовалась ростом цен и дефицитом. По всей стране вводили карточную систему на продовольствие, пытались регулировать цены, создавались потребительские общества. В 1916 г. в стихотворении «Яшәсен кыйммәтчелек!» («Да здравствует дороговизна») Ш.Бабич обращал внимание как раз на эти моменты (нехватку чая, сахара, мяса, оптовые закупки пайщиков и т.д.). «...Избранные люди, рассуждавшие когда-то о высоких мирах, теперь больше волнуются о соли да о чае с сахаром», – по своему обычаю иронизировал поэт. К стихотворению, опубликованному в том же 1916 г. в журнале «Кармак», была вымышленная приписка – новость о том, что в Оренбургском магометанском духовном собрании увеличили для шакирдов стоимость пошлины за сдачу экзаменов в этом ведомстве. Обыгрывая имя одного из судей (кадиев) Гиниятуллы Капкаева, он использовал татарское слово «Жинаять» (преступление) [5, с.118, 437].

Из-за обесценивания денег многие татарские купцы предпочитали вкладывать средства в приобретение недвижимости. Этот момент подмечал Г. Гафуров-Чыгтай. «Уфимские баи, соревнуясь, начали покупать дома и имения, некоторые кварталы сплошь превратились в собственность татарских богачей. Хакимов, Шамгулов, Ягудин и другие пополнили ряды крупных собственников» [10, с.156]. Действительно, в кварталах вокруг Верхне-Торговой площади (совр. Гостиного двора) в годы Первой мировой войны заметно больше стало домовладений татарских купцов (Назировых, Хакимовых, Шамгуловых и др.). Например, купец С.Назиров в 1916 г. приобрел гостиницу «Россия» (доходный дом наследников бывшего городского головы Сахарова) на углу улиц Бекетовской и Большой Успенской (совр. М. Карима и Коммунистической) [11].

Конечно, покупатели дорогой недвижимости не жили заботами о дефицитном продовольствии и других товарах потребления. Их повседневность состояла из других явлений. Например, Г.Гафуров-Чыгтай отмечал, что в доме Шамгуловых часто устраивались веселые вечера, где собира-

лась татарская молодежь, в том числе барышни. Он не называет фамилий, а указывает только имена: Гумеры, Сагиты, Закиры [10, с.154]. Но очевидно, что литератор имел ввиду Гумера Терегулова, Сагита Рамиева, Сагита Сунчелея, Закира Кадыри и др. Через год в этом же доме состоится заседание Миллэт Меджлисе (Национального парламента) под председательством Садри Максуди, где будут обсуждать вопросы татарской культурной автономии. Но Г. Гафуров-Чыгтай в своих записках, видимо специально, не обозначает этот факт, ведь некоторые участники того собрания (в том числе и З.Кадыри, и Г.Терегулов) стали белоэмигрантами.

В жизни татарской интеллигенции г. Уфы в 1916 г. еще не было тех социально-экономических лишений, с которыми они столкнулись уже в период Гражданской войны. У многих тогда имелся стабильный заработок благодаря должностям при земстве или других муниципальных службах, а также работе в редакциях. Даже Г.Гафуров-Чыгтай, не прижившийся в редакции газеты «Тормыш», быстро нашел новое место при Мусульманском благотворительном обществе г. Уфы (размещалось тоже в доме Шамгулова, председателем тогда был купец М-Н. Хакимов). Бывший журналист работал распорядителем в столярной мастерской для детей. «Назначили месячное жалованье, было по-своему весело», – вспоминал он [10, с.167].

Несмотря на войну, общую усталость и стихотворения с атеистическими мотивами («Видно, нет тебя Аллах» М.Гафури 1915 г.), в 1916 г. с особой радостью отмечали привычные мусульманские праздники (например, летом этого года татарские поэты собрались в редакции газеты «Тормыш» именно по случаю Уразы-байрама), выезжали большими компаниями на пикники на берегу Демы, устраивали свадебные застолья.

Так, летом 1916 г. сыграли свадьбу мугаллим «Галии» – Фатих Сайфи-Казанлы и мугаллима Накия (в революционный период она станет известна как певица Абруй Сайфи, в 1917 г. ее изберут гласной Уфимской городской думы). Правда, переход социалиста Ф.Сайфи-Казанлы в 1916 г. на работу в консервативное Оренбургское магометанское духовное собрание (ответственным редактором журнала «Маглюмат») все же указывает на остроту материального вопроса в этой молодой семье [5, с.526]. Кроме того, Ф. Сайфи-Казанлы сотрудничал и с земствами. В том же году он разработал для Верхнеуральско-Троицкого уездного земства (Оренбургская губерния) 6-летнюю программу обучения в мектебах [3, с.128].

Летом 1916 г. в Уфе было особенно много татарских девушек, мечтавших получить свидетельства и стать учительницами (мугаллима). Неслучайно в записках Ш.Бабича того периода так много внимания уделяется женской публике. Не хватало в городе и специалистов другого профиля. Так, газета «Тормыш» сообщала, что в магазинах купца Г. Усманова можно увидеть даже приказчиков (продавцов и управленцев) женского пола [8, с.274]. Трудовая жизнь губернского центра обретала «женские» черты.

Уроженка Астрахани Зайнаб Каримова (в замужестве) тоже приехала в Уфу летом 1916 г. для учебы на вышеуказанных курсах. Именно она оставила описание быта писателя Галимджана Ибрагимов, проживавшего тогда в Уфе. Он занимал двухкомнатную квартиру на первом этаже двухэтажного деревянного дома на улице Вавиловской (совр. Зенцова), это в нескольких кварталах от места его работы – медресе «Галия». «Комнаты были очень скромно меблированы. В зале – хороший стол и для приема пищи, и для письменной работы, несколько венских стульев, шкаф-буфет, возле окна – большой фикус, – вспоминала З.Каримова в 1960-е гг. – Во внутренней комнате виднелись аккуратно заправленная кровать и комод». Она пришла в гости к писателю вместе со своим супругом земским служащим, бывшим шакирдом «Галии» – Хусни Каримом. Устроили чаепитие. Кроме того, несмотря на «сухой закон», в буфете радушного хозяина нашелся и алкоголь [9, с.177–179]. Г.Ибрагимов в тот год работал не только мугаллимом в медресе, но и преподавал на учительских курсах. Еще одним источником дохода были публикации. Например, казанский журнал «Аң», выходящий при поддержке издателя А-Г. Хасани, как раз отличался щедрыми гонорарами.

Ш.Бабич, уехавший осенью 1916 г. в Оренбург для работы в редакции журнала «Кармак», тоже печатался в разных изданиях. Любопытно, что в том же 1916 г. в издательстве «Тормыш» у него вышла книга «Көлке капчыгы» («Мешок смеха») – сборник юмористических конференсов. С другой стороны, Ш.Бабич интересовался совсем другими образцами народного творчества, полными трагизма эпохи. Его друг, сокурсник Вали Хангильдин (они снимали вместе комнату) вспоминал, как в 1916 г. в Уфе поэт собирал татарский фольклор и переписывал в Нижегородской слободе песни у солдаток [22, с.101]. Скорее всего, это были байты, присланные их мужьями в письмах.

Тот же В.Хангильдин приводит еще один характерный эпизод. Летним вечером 1916 г. они шли вчетвером (он, Ш.Бабич, Г.Ибрагимов, З.Абдюшев) по одной из уфимских улиц. Абдюшев и Ибрагимов были коллегами, работали в «Галие». Компания была в веселом настроении, шли домой к Абдюшеву. Он попросил Ш.Бабича сыграть на мандолине, чтобы услышала вся округа. Но эту затею пресек Г.Ибрагимов, указав на неуместность, вокруг – горе, кто-то на фронте, кого-то нет уже в живых. «И все понимающие притихли», – подытоживал В. Хангильдин [9, с.161]. Видимо, приятели пели и играли на мандолине уже за закрытыми дверями, в квартире З.Абдюшева. 1916 год состоял из таких контрастов (обыденного трагизма и веселья), в центре которых было обесценивание человеческой жизни.

Выводы. Советские мемуары очень избирательно фиксировали дореволюционную эпоху, важно было показать антагонизм разных слоев общества и солидарность с пролетариатом. Воспоминания, записанные спустя десятилетия, после Гражданской войны и даже Великой Отечественной, вытеснили из памяти свидетелей эпохи многие нюансы тех лет, а разделе-

ние на два лагеря – красных и белых – сделало невозможным упоминание некоторых имен в позитивном ключе. Хотя и частная жизнь 1916 года, и публичная (на страницах прессы) состояла из разных мелочей. Предреволюционный год, безусловно, был предвестником надвигавшихся социальных катаклизмов. Он определил в какой-то степени и дальнейшее течение татарской культуры. Первая мировая война пронизывала обычную и творческую жизнь татарской интеллигенции. Кто-то предпочитал в 1916 г. говорить о ней громко (Ш.Бабич), кто-то выражал тихую надежду, что когда-нибудь все изменится (С.Сунчелей). Разные типы переживания ситуации порождали межличностные конфликты. Социально-экономический кризис, с ростом цен и дефицитом военного времени, усугубил довоенные конфликты финансового характера (ситуация вокруг медресе «Галия»), эта линия тянула за собой новые конфронтации, в том числе уже в ходе революционного хаоса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа: Электрическая Губернская типография, 1917. 336 с.
2. *Азаматова Г.Б.* Земское самоуправление в многонациональном регионе России (на примере Уфимской губернии, 1874–1917 гг.): дисс. ... д.и.н. Уфа, 2018. 586 с.
3. *Азаматова Г.Б.* Взаимодействие национальной интеллигенции с земскими учреждениями в области образования // Урал-Алтай. Материалы V тюркологической конференции. Кн.1. Уфа: ИП Поляковский Ю.И, 2012. С.126–128.
4. *Ахтямова А.В.* Обзор татарской периодической печати губернского города Уфы (1906–1917 гг.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2021. №11. Т.1. С.15–39.
5. *Бабич Ш.* Зэнгэр жырлар: шигырьләр, поэмалар, эпиграммалар, мәкаләләр, хатлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1990. 544 б.
6. Башкирия в годы Первой мировой войны. 1914–1918. Сборник документов и материалов / сост. Р.Н. Рахимов и др. Уфа: Китап, 2014. 448 с.
7. Бәшири З. Замандашларым белән очрашулар (язучы истәлекләре). Казан: Татар. кит. нәшр., 1968. 292 б.
8. *Габдрафикова Л.Р., Абдуллин Х.М.* Татары в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ; Изд-во «ЯЗ», 2015. 396 с.
9. Галимжан Ибраһимов: мәкаләләр, истәлек-хатирәләр / төз. Р.Акъегет. Казан: Татар кит. нәшр., 2007. 544 б.
10. *Гафуров-Чыгтай Г.* Галинең алтмыш еллык истәлеге. Казан: Слово, 2017. 288 б.
11. *Егоров П.* Доходный дом Сахарова // Уфимские ведомости. 2004. 12 октября. №41.
12. *Зиннәтуллина А.Ә.* «Галия» мәдрәсәсенә кагылышлы яңа чыганак // Гасырлар авазы. 2021. №4. С.107–124.

13. История Башкортостана во второй половине XIX – начале XX века. Т.2. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2007. 368 с.
14. Камалов Т. Зия Камали: мыслитель, просветитель, религиозный деятель Казань: Иман, 1997. 53 с.
15. Кудаш С. Незабываемые минуты. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1964. 284 с.
16. Материалы по учету населения гор. Уфы 1916. Уфа: электр. тип.-лит. Ф.Г. Соловьева, 1916. 6 с. с прил.
17. Мәхмүтов Г., Илялова И., Гыйззәт Б. Октябрьгә кадәрге татар театры. Казан: Татар кит. нәшр., 1988. 399 б.
18. Сүнчәләй С. Әсәрләр һәм хатлар. Казан: Тат. кит. нәшр., 2005. 367 б.
19. Татар театры (1906–1926). 2-нче басма. Казан: Мәгариф, 2003. 308 б.
20. Тормыш. 1916. 14 август.
21. Уфимские губернские ведомости. 1906. 9 марта.
22. Хангильдин В. Бабич белән үткән бер жәйнең истәлеге // Совет әдәбияте. 1959. №5. Б.101–102.
23. XX гасыр башы татар вакытлы матбугатында хатын-кыз мәгарифе мәсьәләләр (документлар жынтыгы) / төз.-авт. Мортазина Л.Р., Зиннәтуллина А.Ә. Казан: ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты, 2020. 380 б.

Информация об авторе:

Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела новой истории, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; ведущий научный сотрудник Лаборатории многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, ФИЦ «Казанский научный центр РАН» (Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 18.05.2023

Принята к публикации 27.07.2023

1916 in Ufa: Tatar view

L.R. Gabdrāfikova

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences

Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Kazan, Russian Federation

The article analyzes the life of the Tatar intelligentsia in Ufa in 1916 through the prism of ego-documents and in the context of the World War I. The main sources are the works of Shaikhzada Babich, Galiasgar Gafurov-Chygtai, Saifi Kudash and Zarif Bashiri. 1916 was a jubilee year for Tatar culture – 10 years since the founding of the Tatar theater, the establishment of newspapers, the opening of a madrasah. For Ufa, such iconic dominants were the Galia madrasah, the Tormysh newspaper, and the Nur troupe. Particular attention is paid to the conflict around the Galia madrasah, the relationship between Shaikhzad Babich and Sagit Suncheley, as well as the daily life of the military period. The author concluded that the conflicts of this period were continued in

revolutionary times. Some pre-revolutionary episodes were mythologized thanks to memoirs of a later nature.

Keywords: Ufa province, Ufa, history of Tatar culture, World War I, Tatar everyday life

Fot citation: Gabdrafikova L.R. 1916 in Ufa: Tatar view. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2023, vol.13, no.3, pp. 97–117. <https://doi.org/10.22378/2410-0765.2023-13-3.97-117> (In Russian)

REFERENCES

1. *Address-calendar of the Ufa province and a reference book for 1917*. Ufa: Electric Provincial Publ., 1917. 336 p. (In Russian)
2. Azamatova G.B. *Zemstvo self-government in the multinational region of Russia (on the example of the Ufa province, 1874–1917)*. Dissertation of Doctor of Historical Sciences. Ufa, 2018. 586 p. (In Russian)
3. Azamatova G.B. Interaction of national intelligentsia with zemstvo institutions on education issues. *Ural-Altai. Materials of the V Turkological Conference. Book 1*. Ufa: IP Polyakovskiy Yu. I., 2012. Pp.126–128. (In Russian)
4. Akhtyamova A.V. Review of the Tatar periodicals the provincial city of Ufa (1906–1917). *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. vol.1, no.11, pp.15–39. (In Russian)
5. Babich Sh. *Blue songs: poems, poems, epigrams, articles, letters*. Kazan: Tatar book Publ., 1990. 544 p. (In Tatar)
6. *Bashkiria during the World War I. 1914–1918. Collection of documents*. Ed. by R.N. Rahimov and others. Ufa: Kitap Publ., 2014. 448 p. (In Russian)
7. Bashiri Z. *Meetings with my contemporaries (memoirs of a writer)*. Kazan: Tatar book Publ., 1968. 292 p. (In Tatar)
8. Gabdrafikova L.R., Abdullin H.M. *Tatars during the World War I (1914–1918)*. Kazan: Marjani Institute of History, 2015. 396 p. (In Russian)
9. *Galimdzhan Ibragimov: articles and memoirs*. Ed. by R. Akyeget. Kazan: Tatar book Publ., 2007. 544 p. (In Tatar)
10. Gafurov-Chygtaj G. *Memoirs of Gali for sixty years*. Kazan: Slovo Publ., 2017. 288 p. (In Tatar)
11. Egorov P. Sakharov commercial house. *Ufimskie vedomosti*. 2004. October 12, no.41. (In Russian)
12. Zinnatullina A.A. A new document on the history of the madrasah "Galia". *Gasyrlar avazy – Ekho vekov*. 2021, no.4, pp.107–124. (In Tatar)
13. *History of Bashkortostan in the second half of the 19th – early 20th century*. vol.2. Ufa: Ufimskij poligrafkombinat Publ., 2007. 368 p. (In Russian)
14. Kamalov T. *Zia Kamali: thinker, educator, religious figure*. Kazan: Iman Publ., 1997. 53 p. (In Russian)
15. Kudash S. *Unforgettable minutes. Memories*. Moscow: Soviet Writer Publ., 1964. 284 p. (In Russian)
16. *Materials on the registration of the population of Ufa 1916*. Ufa: F.G. Solovyov Publ., 1916. 6 p. (In Russian)
17. Makhmutov Kh., Ilyalova I., Gyzzat B. *Tatar Theater before October*. Kazan: Tatar book Publ., 1988. 399 p. (In Tatar)

18. Sunchalyay S. *Works and letters*. Kazan: Tatar book Publ., 2005. 367 p. (In Tatar)
19. *Tatar theater (1906–1926)*. 2nd edition. Kazan: Magarif Publ., 2003. 308 p. (In Tatar)
20. *Tormysh*. 1916. August 14. (In Tatar)
21. *Ufimskie gubernskie vedomosti*. 1906. March 9. (In Russian)
22. Khangildin V. Memories of one summer spent together with Babić. *Soviet Literature*. 1959. no.5, pp.101–102. (In Tatar)
23. *Issues of women's education in the Tatar periodical press of the early 20th century. Collection of documents*. Compiled by Murtazina L.R., Zinnatullina A.A. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2020. 380 p. (In Tatar)

About the author:

Gabdrfikova Liliya Ramilevna – Dr. Sci. (history), Chief Researcher of the Department of Modern History, Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences; Leading Researcher of the Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Kazan, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097; e-mail: bahetem@mail.ru

Received May 18, 2023

Accepted for publication July 27, 2023